

Назаров Александр

Распадаюсь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Назаров

Распадаясь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65761049

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-95917-0

Аннотация

Поверье гласит, что над Городом, поселением, не нуждающимся в имени собственном, висит проклятие. И проклятием этим является древний дух – Пожиратель личности, что способен разорвать душу человека и съесть по кусочкам. Всего лишь легенда, как думают многие. Так думают и наши герои, студенты Ганс и Лилиан. В один день, однако, девушка начинает терять знания, память и черты характера. Связано это со злыми духами? Или может это проблема с психикой? Кто знает. В любом случае, с этим надо бороться. Но есть ли шанс остановить начавшийся процесс?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Пожиратель личности	4
2. Призраки домов	9
3. Распад	19
4. На приеме	23
5. Пожиратель личности	28
6. Гости в Вальхалле	34
Часть 2. Точка невозврата	42
7. Убийство	42
8.Раздвоение	45
9. Последнее пристанище душ	53
10. Захват больницы	65
11. Во тьму	69

Александр Назаров

Распадаясь

Часть 1. Пожиратель личности

Неоновый дракон

«Ужас! Новый смертельный вирус охватил восточные степи. Люди падают замертво прямо на улицах. Неужели это крах цивилизации, предсказанный пророками?» – апокалиптические увещевания радио прорывались сквозь раскаленный влажный воздух. Громкие слова, однако, не возымели эффекта на посетителей кафе «Неоновый дракон».

Само здание представляло собой нагромождение дерева и стекла: основное здание и бесчисленные пристройки. Над входом виднелась вывеска в виде мифического существа, подарившего название заведению. Вечером она загоралась оранжевым светом. Внутри кафе украшало множество трофеев и сувениров: большая рыба голова, олени рога с ловцами снов, фотографии в сепии из дальних стран.

– Выключите уже шарманку, – воскликнул молодой человек, сидящий за барной стойкой, – у нас тут свой Рагнарек намечается, а они еще на мозги капают.

Сидящая рядом с ним невысокая темноволосая девуш-

ка слегка улыбнулась и опустила голову к столешнице – так сильно жара была по всем. Юноше ответила работница кафе, рыжеволосая кудрявая девица, сверстница возмущающегося:

– Ганс, нам не пришлось бы слушать новостную муть, если бы кто-то выполнил свое обещание и закончил сборку «лампового синтезатора», который, в свою очередь, подарил бы музыку Неоновому дракону.

При этом она кивнула головой на угол, где стояла машина, напоминающая рояль, его уменьшенную версию, если точнее. На крышке было около двух десятков ламп.

– Все будет, Альва...

– Но потом, – закончили они вместе.

Темноволосая подняла голову от стойки и тихонько засмеялась. Похоже, это устройство стало локальной шуткой.

Гнетущая атмосфера, царившая в Неоновом драконе несколько минут назад, развеялась, чтобы окончательно добить уныние, Альва сжалась и выключила радио.

– Сама-то не жалеешь, что ушла после шестого? – Темленькая вернулась к теме одного из прошлых разговоров, прерванного восклицанием Ганса.

– Ох-хо! Что нет, то нет. Это подвергать себя такой пытке как у вас? Да вы почти седые!

– Будем надеяться, что окончательно не поседем, – бойко ответил Ганс, – завтра последний бой – отстреляться и всё! –

тут он изобразил в воздухе – пальцы-пистолеты.

– И что у вас? – поинтересовалась Альва.

– Физика!

– Не бойтесь? Ганс, Лилиан?

– Я переживу что угодно. А Лилиан. Лилиан – машина со сто процентным КПД. Она разнесет экзамен.

– Не каркай, – перебила Ганса Лилиан, та самая низенькая темноволосая девчушка.

– Обязательно забегите, когда все кончится.

– Ввалимся и напьемся.

Через час подобных разговоров друзья стали собираться. Оплатив по две кронмарки, они вышли на свежий воздух, два таких непохожих человека. Высокий и чрезвычайно тощий блондин Ганс Шнайдер контрастировал с маленькой темноволосой Лилиан Рае. В местном городском институте они были своего рода легендой: друзья, для которых не существует преград. Оба учились хорошо, но Ганс немного хуже, так как ему не доставало концентрации.

С террасы у кафе открывался хороший вид на Город. День клонился к закату, и улицы одна за другой стали загораться огнями фонарей. От леса за пустырем на востоке поднимался туман, вдали, на севере, виднелась старая заброшенная церковь, где они так любили прятаться в детстве. Загадочно тихо стояли районы вокруг кольца благополучия Города. Друзья были готовы встретить ночь, а за ней день, полный

испытаний.

В сумерках особо ярким столпом света был небоскреб «Иггдрасиль», своего рода город в Городе, а также резиденция правительства. У «подножий Иггдрасиля» разрослась великая торговая зона, где, в практически прямом смысле, текли реки кронмарок, валюты, которая является лицом союза двух наций, населяющих Город. Торговая зона переливалась оранжевыми и зеленовато-желтыми огнями фонарей с использованием благородных газов. Из самого центра торговой империи стволем дерева поднимался небоскреб. «Крону дерева» в свою очередь составляли десятки воздушных шаров вокруг шпиля Иггдрасиля – частные парящие дома правящего олигархата.

– Когда-нибудь мы покорим и его, – заявил Ганс, указывая на самое высокое здание города.

– Не сомневаюсь, – ответила Лилиан, чье лицо казалось необыкновенно спокойным в последних лучах уходящего дня.

Они шли узкими, плохо-освещенными улочками спальных районов к своим домам. Не спеша, почти жадно хватая ртами свежий сумеречный воздух, наполненный запахами пыльцы и смолы.

– Сложно завтра будет? Как думаешь? – неожиданно спросила девушка.

– Думаю? Нам сейчас вообще думать противопоказано, а то еще голову замкнет.

– Да. Просто странное чувство, знаешь... четыре года все вело к этому.

– А что дальше – неизвестно, туман! Старая песня, у всех сейчас так. Мы стоим на пороге новой жизни, и нам страшно. Но стоит лишь сделать один шаг, и все будет хорошо, поверь мне.

– Надеюсь, – она слегка улыбнулась.

2. Призраки домов

В то время, как Лилиан и Ганс распрощались, разошлись по домам и улеглись спать, в кафе Неоновый дракон вошла необычная компания. Их появление предвещали громкие рокоты смеха со стороны западных поселков, большого слабообразованного района Города.

Двери заведения распахнулись и на пороге появился высокий мужчина с ирокезом на голове, в кожаном плаще, с амулетом в виде черепа ворона на шее. У него были пронзительные глаза, на лице виднелись следы перенесенной оспы. Следом за ним вошли еще два существа (конечно же, это были люди).

Одним из них была девушка, с ног до головы закутанная в плащ из серой ткани. На голове её красовалась целая гора непослушных черных волос. Верхняя половина её лица была досконально измазана углем. В этой черноте сверкала пара светлых хитрых глаз, напоминающих кошачьи.

Её напарником был коренастый мужчина с козлиной бородкой в крутых темных очках. У него были металлические наплечники, украшенные триодными лампами. И у мужчины, и у девушки на поясах были закреплены оленьи рога.

Уставшая Альва подняла лицо от барной стойки и протерла глаза, пытаясь понять, не снится ли ей всё это.

– Вина! – приказал зашедший мужчина с ирокезом на го-

лове.

– Какого именно?! – спросила ошарашенная Альва.

– Без разницы, их все равно разливают из одной цистерны.

В это время в Неонового дракона зашел последний член компании: паренек в белой рубашке с галстуком-бабочкой, в черных брюках и с лакированными туфлями.

– А может не надо? – спросил он у главаря.

– Если хочешь стать одним из нас, придется пройти испытание этанолом, – резко ответила девушка, на что вошедший паренек только вздохнул.

Все они уселись за стол. Главарь достал из кармана три кожаных мешочка. Когда подали вино и разлили по стаканам, он раскрыл один из них и засыпал в каждый стакан немного порошка. В воздухе повис запах пряностей. Вино выпито.

– Коньяк! – тем же властным тоном приказал мужчина с ирокезом.

– Сначала оплатите вино, – вдруг осмелела Альва.

– Вот, – Он выложил на стол бумажки денег, – и поторопись, черт побери. Коньяк.

– А зачем коньяк-то? – осведомился пацан в рубашке.

– Трехчастно испытание, – мужик в очках и с лампами вознес руки к потолку, – три зелья, три пряности, три товарища.

– Катод дело говорит, – заметил главарь, а потом добавил, – и все идет по нарастающей.

Парень понимающе кивнул кружащейся головой. В это

время Альва подошла к охраннику и попросила пристальней наблюдать за компанией: чтоб не дебоширили.

– Между прочим, – вмешалась девушка с измазанным лицом, – нам, чтобы дебоширить, надо осушить все погреба этой дыры.

– Неплохо сказано, Никс, – Ирокез похлопал её по плечу.

Принесли и коньяку, в который была засыпана очередная порция специй, уже из другого мешочка. Все оставшиеся посетители кафе теперь просто наблюдали за необычной компанией. Альва пристально следила за парнем, чей вид уж больно не подходил остальной компании.

– погоди, – вдруг сказала она, – ты случайно не с одного института с Гансом Шнайдером?

– Угадали, – парень расплылся в пьяной улыбке, – только я с другого факультета.

– Не отвлекайте мальчика, – спокойным, но властным тоном поправил Альву главарь.

– Прошу простить, – резко ответила она, примирительно подняв руки.

– Остался последний шаг, – Ирокез обратился к своим подопечным, – абсент.

Студент широко раскрыл глаза в неподдельном испуге. Когда все закончилось, и компания уволокла пьяного студента (сами они при этом даже не шатались), в кафе повисла зловещая тишина.

– Что это было, Альв, – спросил работницу хозяин заве-

дения, также наблюдавший за сценой.

– Панки, сэр...

Банда шла по темным улицам на запад Города: Ирокез впереди, Никс и Катод сзади, они несли на плечах юного последователя, который крайне медленно приходил в себя.

– Теперь твои эзотерические потоки очищены и раскрыты, мы готовы продолжать. Как самочувствие?

– Все ваши ритуалы связаны с потреблением алкоголя?

– Ты его переоцениваешь. Этанол всего лишь полезный инструмент. Молекула. А люди превратили его в бога.

– А куда мы, кстати, идем? – спросил студент, после чего Никс повернулась к нему лицом и заулыбалась, глаза её прищурились.

– В «Красное здание», голубчик.

– Нет, стойте, сегодня же четное число!

– Когда придем на место, будет нечетное, – успокаивающим тоном пояснил Катод.

Тут стоит объяснить, что из себя представляет большое «Красное здание». Около полувека назад там должен был быть построен невообразимый комплекс. Бассейн, театр, библиотека, обсерватория и гигантский торговый центр – всего лишь малая часть задуманного там. «Красное здание» должно было стать культурно-экономическим центром не только Города, но и страны, если даже не мира, такими амбициозными были планы. Возможно, если бы все пошло по плану, там мог бы вырасти второй Иггдрасиль, а западные

районы, наконец-то стали развиваться.

Лес, который разросся за западной чертой города, необходимо было расчистить. Для этого прибегли к контролируемым пожарам. Не самый экологичный и безопасный метод, но действенный. Поговаривают, что в ходе пожаров сгорело несколько человек. Это была первая монета в копилку слухов о жутком комплексе «Красного здания». Огонь расчистил местность, превратив лес в выжженный пустырь, не заросший до сих пор.

Строительство шло полным ходом, поток инвестиций вырастал и вырастал. Но в один момент на великой стройке разгорелся пожар – горькая усмешка судьбы. Предполагают, что начался он в крыле театра. После того случая еще раз четыре предпринимались попытки возобновить строительство, но все они по неизвестным причинам провалились. К тому же в здании начали пропадать люди. Еще одно поверье гласило, что пропажи случались только по четным числам.

– Все духи леса, они решили отомстить, – заявила Никс.

– Дорогая, – перебил её Катод, – ты не права. Во время строительства такого разностороннего объекта здесь сталкивалось столько разных и непохожих друг на друга энергий, что они просто не могли не вспыхнуть.

– Ой! – вдруг вскрикнул студент.

– Что случилось, Ролан?

– Мне показалось, что дома справа от нас движутся...

– Не показалось, так и есть, – ответил Ирокез, – призраки

домов. В них не живут даже крысы, вот дома их ходят от одиночества. Они безвредны, но лучше в них не заходить: не захотят тебя отпустить.

– Seriously?

– А может быть ты просто перепил. В любом случае, сейчас мы идем прямо в чрево самого страшного дома-призрака.

Подошли к красному зданию, что напоминало умершего великана. Множество черных окон фасеточными глазами смотрели на улицу. Зрелище жуткое. Было бы еще страшнее, если бы в одном маленьком окошке горел свет. Что делать свету там? Для кого он? Но чрево здания оставалось темным.

– Пять минут первого, – объявил Катод, посмотрев на наручные часы, когда подошли к постройке.

Внутри компания попала через разбитое окно гардероба, так как главный вход был надежно заперт. Поднялись на второй этаж – торговый центр. Осколки битого стекла сверкали в темноте как глаза, освещаемые светом луны, проходящим через недоделанную крышу. Просторное помещение напоминало железобетонную улицу, таким просторным оно было. Этаж был обставлен стеклянными витринами, по большей части, разбитыми, и манекенами чьи лица были либо разорваны, либо закрашены. На каждой из четырех стен были надписи, по одной строчке:

Черная страна

Пропитая судьба

Убитая свобода

Ненужная мечта.

Этакий лирический палиндром: читать можно в любой последовательности, смысл не изменится.

Компания прошла в центр зала и уселась кругом, каждый в позе лотоса.

– Красное здание, – заговорил Ирокез тихим, но твердым голосом, – вместило в себя столько надежд, иллюзий и разочарований, что их можно слышать.

– Не ушами, конечно, – продолжил за него Катод.

– Но антеннами и глазами, – закончила Никс.

Катод достал небольшой радиоприемник и поставил в центр круга. От радио отходило четыре пары проводов каждую из которых взял отдельный член банды. На конце каждого поводка располагались разрезанные пополам резиновые шарики.

– Подставьте их к глазам, – скомандовал Ирокез.

– Бред, – стал перечить студент, – человеческий глаз не способен улавливать звуковые или радиоволны.

– А мы и не их ловим, – объяснила Никс.

Ирокез снял амулет с черепом ворона и нацепил его на радиоприемник.

– Можем начинать.

Сначала была видна лишь темнота, затем по глазам пошла рябь и поплыли блики. Было так тихо, что зазвенело в ушах, а звон, в свою очередь, перерос в монотонную мелодию, почти приятную слуху. Судя по всему, резиновые шарики слетели с глаз Ролана, так как он внезапно увидел зал. Он нагнулся вниз, чтобы поднять их, но не нашел.

– Ребят, кажется, я потерял устройство.

– Оно все еще на тебе.

Студент взглянул на своих друзей: на их глазах все еще располагались шарики. Он огляделся. И тут сердце Ролана чуть было не остановилось: все манекены оказались повернуты к ним, а по верх их искалеченных лиц проступали черты нормальных человеческих лиц. «Черт меня дернул заинтересоваться оккультизмом», – испугался про себя Ролан.

– Что ты видишь, юный послушник?

– Манекены... повернулись к нам. И, кажется, у них теперь есть лица.

– Все хорошо, это призрак здания наблюдает за тобой. Это всё одна сущность, но скоро придет и «гость».

– Г-гость?!

– Сейчас поймешь. Не бойся, все через это проходили. Утром угостим тебя вином, оно тебе понадобится.

На краю глаз началось движение. Студент повернул голову и увидел, как с лестницы, которой раньше не было, ведущей ни вверх, ни вниз, спускалось черное существо.

– Черный человек, черный человек...

Он был около двух-трех метров ростом (каждую секунду, казалось, он был разного роста). Необычайно тонок. Его руки были аномально длинными. На голове – оленьи рога. Из его лопаток, предплечий, правого и левого плеча росли крылья ворона. Все существо Ролана превратилось в одну до предела натянутую струну.

Черный человек обошел зал, а затем и друзей. Встав за спиной у Никс, он потрепал её волосы, Катода обнял за шею. Когда существо подошло к Ирокезу, который загадочно улыбался, оно встало у него за спиной в полный рост и раздвинуло руки, крылья его забились. Студент почувствовал поток ветра, а затем покалывание по всему позвоночнику. Электрический треск. Каждый дендрит отделился от тела, устремившись в пустоту. Внезапно, Ролан ощутил себя в каждой лампочке, в каждом радио. И вдруг молния ударила в позвоночник и все стало так темно, что плакать хочется. Странное чувство посетило молодого оккультиста. Словно в разуме его что-то открылось или, наоборот, исчезло.

– Все закончилось, можешь снимать проводники с глаз, – объявил Ирокез, – поздравляю, ты теперь один из нас, часть города.

Отдыхать пошли в недостроенный театральный комплекс. Устроились на сиденьях для зрителей.

– Что он делал? Ну, черный человек, – с любопытством ребенка интересовалась Никс.

– Ну, тебя, Никс, он потрепал по голове, – отвечал Ролан.

– Их-хи, – взвизгнула она, – думаю, я ему понравилась.

– А тебя, Катод, он обнял за шею.

Мужчина с триодными лампами на плечах заметно нахмурился, а затем сглотнул.

– Что такое? – удивился студент, – это означает что-нибудь плохое?

Катод молчал, но Ирокез ответил за него:

– Это значит, его скоро убьют.

3. Распад

День экзамена выдался необычайно жарким. Редкие городские тополя осыпали пухом, из-за чего глаза невероятно слезились. Лишь иногда легкий бриз залива сглаживал ситуацию.

Здание института на самом деле являлось переоборудованной крепостью, которая уже несколько веков не участвовала в сражениях, хотя последние из них отгремели всего пару десятков лет назад. Форт просто не попал на территорию, где велось сражение. Так крепость Нордштадт оказалась на задворках истории.

– Наш институт-крепость можно назвать аллегорией на судьбу всего Города. Вроде и не последняя деревня, но всегда в стороне от истории, – любил рассуждать Ганс Шнайдер.

Но сегодня было не до истории. В аудитории царило напряжение, невидимое поле его пронизывало всех. Ганс расположился недалеко от Лилиан. Раздали работы. Вопросы были не слишком сложные, учитывая, что к ним весь год студенты и готовились.

Решив отдохнуть, Ганс отвлекся от заданий и поднял глаза. Он взглянул на свою подругу, а затем нахмурил брови: Лилиан была бледна как смерть. Она перебирала пальцами и нервно хваталась за голову. За девушкой такое замечали впервые. Она начала тяжело дышать.

– Фройлен Рае, всё в порядке? – спросил у неё наблюдающий за экзаменом учитель.

– Нет. Да. Простите, – она опустила голову к работе.

Теперь было видно, что её колотило.

– Лилиан, вам нужно к врачу, – сказал подошедший к ней смотритель.

– Нет, я допишу, – она чуть ли не плакала.

– Вот еще! Я не допущу, чтобы вы тут умерли прямо на месте.

– Но...

– Давайте, выходите, ничего страшного, допишите потом.

Пошатываясь, Лилиан Рае встала из-за стола. Большая часть студентов смотрели на нее, остальные просто продолжали работать.

– Я провожу её к медику, – вскочил Ганс.

– Не будь идиотом, – прошептала умирающим голосом Лилиан.

– Шнайдер! Садитесь и продолжайте работу.

– А я уже все, – Ганс сложил руки на груди, – хочу сдать.

Теперь у организаторов просто не оставалось выбора. Позже вечером их наставник хватался за голову, понимая, что два его лучших ученика не дописали работы.

Ганс и Лилиан шли по коридору, а затем спускались по лестнице, девушка цеплялась руками за перила. Ганс помогал ей идти.

– Дуралей, имбецил, – ругалась Рае, что опять было ей

не свойственно, – у нас сопровождающие есть. Только себя подставил.

– Успокойся и не трать на ругательства силы.

Медик пожал плечами и отпустил студентку домой, когда двое студентов все же добрались до медкабинета.

– Не вздумай только провожать до дома.

– Не отвертись. Может еще нести тебя придется.

– Ты не исправим.

Домой шли медленно, размеренно. Лилиан то и дело оставалась и вздрагивала.

– И все же, что произошло? – спросил её в один момент Ганс.

– Я не знаю. Я просто забыла, просто забыла, Ганс. Всю Физику, я ничего не помню. Кинематика, динамика, прочее... все пропало.

– Ты перенервничала.

– от этого не лучше. Что со мной происходит? – она выставила дрожащую руку перед своим лицом. Ганс обхватил её своей ладонью.

– Все будет хорошо, – сказал он, но девушка вырвала свою руку.

– Что со мной происходит? Еще вчера не волновалась ни капельки.

Многоквартирный дом, где жила Лилиан, находился на севере Города, ближе к предгорьям. Это был трехэтажный деревянный дом, довольно длинный, чердаками переходя-

щий в соседние дома. Подниматься надо на третий этаж. Лилиан вновь цеплялась за перила и тряслась.

И вот они находились на маленькой лестничной площадке, плохо освещаемой светом из крошечного пыльного окна. Лилиан и Ганс встали напротив друг друга. Рядом была лестница, ведущая на открытый чердак. Их соседних квартир доносилась ругань. Гансу Шнайдеру не хотелось оставлять подругу одну, пускай это место и служит ей домом.

– Улыбнись, – попросил он.

Лилиан выдавила из себя улыбку.

– Ну, по крайней мере, мы знаем, что это не insult, – сделал вывод Ганс, на что Лилиан заулыбалась, на этот раз искренне, – Береги себя, – он обнял подругу и погладил по голове.

Впервые в своей жизни студент испытал такое чувство бессилия, невозможности помочь ближнему. На секунду это чувство полностью завладело им.

– Завтра сходи к врачу, а пока отдыхай. Что же, бывай.

– Пока.

Когда Ганс прощался с Лилиан, случилось нечто необычная. По-видимому, странная игра света создала впечатление, не ясное, но осязаемое, будто у Лилиан Рае было две тени.

4. На приеме

Больница доктора Ньюмана располагалась на границе двух миров: благополучного и не очень районов. Пятидесятилетний доктор принимал людей из обоих районов. Он славился изобретательностью и находчивостью. Однако далеко не все горели желанием обратиться конкретно к этому врачу: нередко свои методики он изобретал прямо во время операции. Становиться подопытным с риском для жизни – такая себе перспектива.

Десять лет Ньюман работал в сельской местности, откуда привез с собою опыт работы во всех сферах медицины.

В тот день у него состоялся необычный прием. То были Лилиан и Август Рае. Август, отец Лилиан, владелец оружейной лавки, невысокий жилистый мужчина с седеющими волосами стоял в стороне, пока доктор осматривал его дочь. Снаружи кабинета ждал Ганс. Помимо того, что он хотел приглянуть за подругой, он так же был записан на прием: ему нужна была справка, что он психически здоров, чтобы получить лицензию на владение огнестрельным оружием. Ганс Шнайдер давно мечтал приобрести свой собственный револьвер – оружие, полное эстетики и эффективности.

– Так, с рефлексами все хорошо, констатировал доктор после первичного осмотра, – теперь пойдём тест на интел-

лект.

– Думаете, есть отклонения? – забеспокоился отец.

– Нет, но мне нужно знать, пострадал ли мозг и насколько сильно, если да, – после Ньюман обратился к Лилиан, – пройдемся по вопросам касательно разных тем. Итак, второй закон механики?

Лилиан покачала головой.

– Свет это...

Тот же ответ.

– Эмм, – сказал он через пару вопросов, – Квадрат гипотенузы...

– равен сумме квадратов катетов.

– Вы задаете школьные вопросы, – вмешался Август Рае.

– Если она не помнит основ, нечего говорить о сложностях. Физический смысл производной?

– Не помню.

– А геометрический?

– Тангенс угла наклона касательной.

– Найти площадь кривой трапеции?

– Проинтегрировать.

– Год свержения националистического режима в Городе?

– Девяносто восьмой.

– Очевидно, мозг и память функционируют прекрасно.

Видимо, у вас произошла избирательная амнезия на фоне стресса.

– Это поправимо, доктор? – спросил отец Лилиан с вол-

нением в голосе.

– Конечно, знания вернутся сами со временем или восстановятся после повторения. Самое главное сейчас не испытывать лишнего стресса.

– Спасибо, герр Ньюман.

– Заходите ко мне через неделю, там посмотрим. Пока что вам не надо ходить в Институт.

– Нет, – вмешалась Лилиан, – я буду сильнее волноваться, пропуская лекции.

– Как вам угодно. Если ваш организм будет получать меньше стресса при учебе, то так даже лучше. Знания восстановятся быстрее.

Когда прием окончился Август Рае отправился в лавку, а его дочь и Ганс пошли гулять (Лилиан с отцом дождались окончания приема Ганса).

– Знаешь, Ганс, мне вчера такой жуткий сон приснился, – заговорила Лилиан, – Словно по нашему чердаку, да и по всему дому бегала какая-то тварь, похожая на человека. И все казалось таким привычным, но в тоже время искаженным, неправильным. Словно крыша уходила в бесконечность. Повсюду пыль да запах затхлости. Тварь бегает, вынюхивает, высматривает, а потому, – тут её голос надломился, – а потом она наталкивается на зеркало... а там я.

– Дурной сон, но так твой мозг, наверное, справляется с произошедшим.

– Чушь. Обычная чушь.

В это время на встречу им из западного района вышел другой студент.

– Ролан, привет, – Ганс и Лилиан узнали сокурсника.

– Я слышал, что произошло, ты как, Лилиан?

– А сам-то как думаешь?

– Без понятия, – ответил он.

– Хреново мне, ясно? – Рае была раздражена.

– Банальный вопрос – банальный ответ, – усмехнулся

Ганс.

– Что говорят врачи?

– Ничего не знают. Стресс, говорят.

– Послушайте, – резко сменил тон Ролан, – они, может быть, и не помогут, однако, я знаю тех, кто в разумах разбирается не хуже врачей.

– И кто же это? – со скепсисом в голосе спросил Ганс.

– Электроокультисты.

Здесь стоит отметить, что в этой ситуации роль сыграли не только внезапный альтруизм Ролана, но и подсознательная страсть рекламировать все то, что понравилось самому.

С каких пор ты подался в мистику? – воскликнул Шнайдер.

– Ганс, – прервала его Лилиан, – давай послушаем, хуже не будет.

– И ты туда же, – он схватился рукой за голову, – демоны, живущие в проводах, радиодухи, вы в это верите?

– Лично я видел, – совершенно серьезно возразил Ролан.

Ганс начал сомневаться в психике студента, но все же уступил.

5. Пожиратель личности

Дневным пристанищем оккультистов служил ветхий деревянный дом в глухом переулке портового района. Окна были занавешены плотным темным материалом. Дом был полон различными необычными вещами оккультного предназначения: чучела птиц и животных, рога и прочие обереги. Было и радио, антенна которого торчала из черепа ворона. В углу, на кресле, как король, восседал Ирокез. Слева от него, на койке, сидела Никс и плела амулеты. Катод же усердно паял схемы, сидя за столом.

Ганс и Лириан чувствовали себя не в своей тарелке, хотя Ролан по пути к дому вел себя увереннее, чем обычно. Внутри дома, однако, к нему вернулась прежняя застенчивость.

– Спешешь позвать к нам друзей? – насмешливо спросил Ирокез у Ролана, – заходите, заходите. Какая у вас переменчивая энергия, я чувствую.

Ганс недоверчиво сложил руки на груди. Друзья изложили суть дела. Никс и Катод обратили глаза к Ирокезу в ожидании его вердикта.

– И к докторам ходить не надо было. Все и так ясно, – он был готов поделиться своим авторитетным мнением, – тебя, фройлен, коснулся Пожиратель личности – древнее проклятие Города.

– Чушь, так и знал, – вмешался Ганс, – с самого начала

было ясно, чем нас пичкать будут.

– Аа-а, скептик, – понимающим тоном заговорил Ирокез, – интересно послушать, что ты скажешь о пожирателе.

– Байка, легенда и универсалий переключивания ответственности. Якобы некий демон, способный пожирать черты характера и разумы людей Города. Будто бы именно из-за него мы все со временем деградируем.

– И почему его не должно быть? – с легкостью в голосе спросил Ирокез. Все присутствующие наблюдали с интересом за разразившимся спором. Глава банды продолжил, – все последствия его деятельности на лицо.

– Алкоголь, нервы, разврат и прокрастинация – вот, что разрушает разумы.

– Разве не должно что-то умереть в человеке перед тем, как он заглянет в стакан, упадет на дно жизни? Маленькая смерть в разуме ведет за собой большую смерть в душе.

– Возможно, но виной тому явно не злые духи.

– Духи не бывают добрыми или злыми. Они... скажем так, своеобразны. И пожиратель личности тоже. Такова его суть.

– Нелепость.

– Ганс, – вмешался Ролан, – не знал, что ты такой скептик.

– Он шут, – улыбнулась Лилиан, – но, когда дело касается суеверий и религии, он – машина атеизма. Король скепсиса. Помнится, он своими аргументами превратил одного учителя в атеиста.

Гансу стало очень приятно от неожиданной похвалы. Пус-

кай его и назвали перед этим шутом.

– Я и сам со скепсисом относился к мистике, – продолжал Ролан, – если бы сам не видел призраков домов и духа города.

– Уверен, – скептик не уступал, – ты и сам тогда был синий как дух, а может даже и под веществами.

– Есть способ проверить, – успокоил их Ирокез, – проведем ритуал.

– Вот только этого не хватало, – Ганс Шнайдер повернулся к выходу.

– Давай попробуем, – Лириан схватила его за локоть, – хуже не будет.

– Как знать...

Ирокезу необходимо было подготовить все для ритуала, поэтому он вышел в соседнюю комнату.

– Интересную ты себе компанию нашел, Ролан, ничего не скажешь.

– Это очень интересные люди, Ганс, ты еще увидишь.

– А с ним что не так? – шепотом спросил Шнайдер, указывая на Катода, который после пайки просто смотрел в одну точку.

– Он узнал, что скоро умрет, – Ответила за студента Никс, обладающая, по-видимому, очень острым слухом.

– Болеет чем-то?

– Не совсем. В любом случае, сейчас он хочет завершить дело своей жизни – создать великое устройство.

– Великое сочетание технологии и энергии души, – оживился Катод.

Лилиан села рядом с Никс.

– А чем это ты занимаешься? – спросила она.

– Плету амулет против искрящихся змеев.

Рае недоуменно посмотрела в ответ.

– Помогает против коротких замыканий. Еще что-нибудь?

– Ну... это, – Лилиан замялась.

– Почему я так выгляжу? – догадалась Никс.

– Да, пожалуй. Да, – согласились одновременно Ганс и Лилиан.

– Это мой персональный образ, отражающий суть. По словам Ирокеза, я – феникс, которому еще предстоит возродиться из пепла.

– Большое влияние имеет на вас этот Ирокез, – заметил Шнайдер.

– Он мне как отец, – продолжила Никс, – подобрал меня, обучил всему. Дал мне занятие по созданию амулетов. А то пошла бы я на панель.

Еще через пару минут вернулся Ирокез. С собой он принес ступку с красной пастой. Он бережно усадил Лилиан в кресло, после чего нарисовал мазью спираль на её лбу. Далее он возложил ей на голову венок из изолированных проводов с маленькими круглыми лампочками. Той же красной пастой Ирокез провел у себя на лбу черту, после чего сделал

это Никс, Катоду и Ролану. Он подошел и к Гансу.

– Юный скептик? – с намеком спросил он.

– Давайте, – глубоко выдохнул Ганс.

После окончания приготовлений главарь электроокультистов встал напротив студентки и начал монотонно читать заклинание на языке, неизвестном нашим героям. Внезапно лампочки на голове Рае загорелись, их оранжевый свет упал на лица всех присутствующих. Ганс вздрогнул от неожиданности.

Затем вокруг головы бедной девочки начал проявляться красный ореол, подобный нимбу. Тень сзади Лилиан раздвоилась: одна скукожилась и сжалась, словно в страхе, вторая же, наоборот, стала разрастаться. Плоский, виртуальный объект стал обретать форму и объем. Существо имело тело сторбленного человека с неестественно длинной как змея шеей, покрытой чешуей. Голова твари представляла собой череп стервятника. Помимо когтистых рук, у него было еще две пары членистых конечностей насекомого. Одну руку существо держало прямо над головой Лилиан.

– Узрите! – прокричал Ирокез, – не сам демон, но его глашатай.

– Мы его видим, – испугался Ролан, – А он нас?

– О чем вы? – недоумевал Шнайдер.

– Видит ли он нас – неясно, но нам и не должно быть дело до этого, ведь перед нами паразит, нашедший хозяина. Вопрос в другом: насытился ли он?

Видение растаяло. Лилиан вскочила с кресла.

– Так, я хочу знать, о чем это вы трындели?

– Лично я не знаю, – Ганс опять сложил руки на груди, – ничего не видел, кроме вспыхнувших лампочек. Дешевый фокус.

– Вот те на! – удивилась Никс, – непробиваемый.

– И такое бывает, – понимающе сказал Ирокез.

– Ладно, – вздохнула Лилиан, – и что нам теперь делать с этим пожирателем?

– Ждать и надеяться.

– Прекрасно! – разозлилась Лилиан, – это мне и врач сказал. Ты был прав, Ганс, пойдём!

– Я догоню, – сказал ей Ганс, который явно что-то задумал.

Резкой походкой Лилиан вышла. Ганс в свою очередь подошел к Катоду.

– Я слышал (да и видел), ты шарить в электронике? Тебе случаем не интересна идея, – драматичная пауза, – лампового синтезатора?

6. Гости в Вальхалле

История, произошедшая на экзамене, взволновала преподавателей института, особенно тех, кто делал ставки на двух выдающихся студентов. Они находились в кабинете своего начальника на следующий день после посещения электроокультистов. Все помещение было заставлено преподавательскими наградами и сувенирами. Друзья заметили в кабинете один из амулетов, увиденных ранее у Никс. Видимо, даже хороший электрик захочет уберечь себя от искрящихся змеев.

– Лилиан, мы все понимаем, не переживай, – говорил преподаватель, – дадим тебе шанс пересдать, – затем он обратился к Гансу, – но ваш поступок, Шнайдер, можно объяснить лишь крайней преданностью подруге и отсутствием всякой рациональности. Надеюсь, тройка вас устроит?

– Ну-да, – замялся Ганс, – переживу, – он улыбнулся.

– Как бы то ни было, планы поменялись не сильно. Вы зачислены в группу «гостей в Вальхалле» и отправитесь на самую вершину Иггдрасиля на встречу к олигархату. Вот, что значит четыре года прилежной работы. Первая ваша тройка после всех пятерок, да? Ваше прошлое вам помогает. Не подведите наш институт.

Хвастаться пошли в Неоновый дракон, где их ждал неожиданный гость. В одном углу заведения возился с ламповым

синтезатором никто иной, как Катод, электроокультист. Ганс пригласил его закончить работу за него. Так как самому студенту было уже не до этого.

– Это будет мой шедевр, – сказал он вошедшим Лилиан и Гансу, – энергия электричества рождает энергию музыки, та порождает чувства, чувства – новую музыку. И так по кругу.

Тут к ним подошла Альва.

– Ганс нашел на кого спихнуть ответственность. Я и не знала, что вы знакомы. Устроила тут его компания кутеж на днях. Ну, ребята, чем порадуете?

– Мы отправляемся в Вальхаллу, – гордо объявил Ганс.

– Собираетесь умереть в бою, – подколонула в ответ их бывшая одноклассница и, по совместительству, работница заведения.

– Обязательно, – ответила Лилиан, – но потом. А пока нас и других выдающихся студентов отправляют на встречу к правительству.

Тут Катод отвлекся и поднял голову от схем.

– Значит скоро вы увидите главных жертв Пожирателя личности, – объявил он.

– То есть, – Ганс опять недоверчиво нахмурил брови, – ты намекаешь, что власть извращена, потому что она – жертва?

– Отнюдь. Корысть и безнаказанность просто приоткрывают дверцу разума пожирателю. А еще, если жертвой был отец, к сыну прицепиться еще легче. Поколения у власти, и деградация накапливается снежным комом.

– У нас ведь не монархия.

– Нет, но, если проследишь родословную нынешнего олигархата, поймешь, что их дедушки были в верхах националистического правительства, а уже их предки приходятся родственниками монархов. Древо мира просто сменило листву, но суть не изменилась.

– Хватит политики в этом кафе! – прервала их Альва, – вы всем портите аппетит.

Тут она переключилась на Лилиан Рае.

– А ты как, дорогая? – спросила Альва с участием.

– Паршиво.

– Ничего, все пройдет, не переживай. Период такой.

– Нет, – Рае внезапно помрачнела, – Ничего не пройдет.

Проходить нечему. Все только и говорят, что ждать. Я уже несколько дней перечитываю теорию по физике, но ничего не понимаю. Во мне словно часть мозга умерла, отвечающая за понимание науки. А теперь, кажется, я стала забывать и математику. Я деградирую, а вы говорите ждать!

Торговая зона поражала своими цветами и пестротой. Все звуки, образы и запахи создавали четкое впечатление: это место – рай. Кронмарки перемещались по частным заведениям, как эритроциты по капиллярам. По сравнению с торговой зоной весь город выглядел как разлагающийся мертвец.

Сопровождающий довел студентов до Иггдрасиля и представил их самим себе. Каждый «избранный» студент

понимал, их задача – привлечь финансирование институту. К Вальхалле, последнему этажу и резиденции правительства, поднимались на лифте, большом и белоснежном.

– Лифт должен быть радужным, – вдруг заметил Ганс. Понимались смешки.

– Почему? – поинтересовались у него.

– Радужный мост к Асгарду, Биврёст, – без колебаний пояснил он.

В зале ожидания студенты выстроились в шеренгу. Невольно появлялась ассоциация с рынком рабов в древности. Некоторые из присутствующих стали поперек себя шире от счастья. Больше всего радовались будущие юристы и экономисты, алчные до власти.

На самом деле, понятие «правлящий олигархат» не совсем верно. Помимо главных капиталистов Города, туда входили и персоны другого толка. Первым из них был герр Теодор Ольгерд Даврон, глава похоронного агентства. То был тощий и бледный старик с чрезвычайно широкой улыбкой. Особенностью его личности без сомнений было то, что он любил лично прибывать к близким усопшего, чтобы сразу принять заказ на гроб или памятник. Бывало, он прибывал так быстро, что поползли слухи, будто он чувствует приближающуюся смерть человека. Человек, верный профессии, так сказать. Он и к студентам прибыл первым, всех поприветствовал и уселся на крайнее кресло.

Вторым прибыл старый генерал Олаф, бородатый мужчи-

на от усов до пяток в орденах. Он был главой сопротивления и лично приказал открыть артиллерийский огонь по Иггд-расилю положив конец националистической верхушке. Иронично, что теперь он сам – часть правительства Города. Студенты, интересующиеся военной историей, еле удержались от радостного писка при виде генерала Олафа. Перед ними была живая легенда.

Двух из трех олигархов буквально ввезли на тележках. Степень их ожирения превышала все допустимые пределы. Казалось, они почти не видели детей за заплывшими веками. Их компаниями уже давно руководили их дети вместо них самих. Они же просто наслаждались остатком своей жизни.

Последним был щуплый старичок небольшого роста. Он двигался куда проворнее прочих людей своего возраста. Движения его чем-то напоминали крысиные.

Вид правителей Города, почему-то, вызвал отторжение у наших героев. Они запомнили молодые, полные амбиций лица с учебников истории, а не потухшие и обвисшие перед ними. Да, тут без сомнений, злую шутку сыграло время.

Подали угощения. Студенты, как известно, вечно голодные существа, были счастливы такому стечению обстоятельств. У Лилиан аппетита не было, а сидящий рядом Ганс ел как в последний раз. Лилиан Рае казалось, что жевательный рефлекс – единственное, оставшееся у присутствующих.

Её глаза на секунду встретились с другой личностью, не прикасавшейся к еде, то был глава похоронного агентства.

Он с интересом наблюдал за остальными. Теодор понимающе подмигнул Лилиан. Вдруг ей пришла в голову мысль, что из олигархата только Теодор Ольгерд Даврон сохранил разум, чья искра то и дело появлялась в его пронзительных глазах.

Начались диалоги. Представляя новаторские идеи, ученики пытались привлечь средства к институту. Олигархат, однако, мало был в этом заинтересован.

– Наш профессор, – убеждал их Ганс, когда очередь дошла до него, – близок к важному открытию. Он считает, что ядро атома способно делиться под внешним воздействием. И этим процессом можно будет управлять. Нужно лишь немного финансов на оборудование.

– А в чем практическое применение? – простой и незамысловатый вопрос обухом по голове пришелся Гансу.

– Ну как же, господа, – вступился за него Даврон, – это открытие, метафорически выражаясь, будет просто “бомбой”, я уверен.

Но трибунал не внял словам ни одного из них. Казалось, в него входили совершенно незаинтересованные люди, что буквально вызывало злость у Лилиан.

Обратный путь с небес на землю и домой был извилистым. Первым делом зашли в лавку Августа Рае. Ганс исполнил свою заветную мечту и получил револьвер. Владелец лавки помог с выбором и сделал персональную скидку.

– Спасибо, герр Рае, – Ганс Шнайдер сиял.

– Ну детишки, рассказывайте, как там, в «Раю»?

– Не рай, скорее свинарник, – резко ответила его дочь, чем сильно смутила отца.

Решили вернуться в Неоновый дракон. Шли медленно, размерено.

– Зачем мы туда ходили? – спрашивала Лилиан, – мерзость. Какие свиньи!

– Согласен, – настоящие предатели капитализма. Стяжатели капитала, который не используется, – непонятно было, в шутку ли он говорил.

– Ты начинаешь меня выбешивать. Не понимаешь. Они такие мерзкие и пустые, ученики тоже. Скот для бойни.

Ганс не узнавал подругу, которая всегда была такой спокойной и вполне доброжелательной. В этом он ей признался.

– Знаю, Ганс, знаю. Но что со мной? Мне все хуже. Все советуют сидеть и ждать, терпеть, и это приводит в ярость. Нельзя ждать, нельзя сидеть, так хочу просто бежать, неважно, куда.

Ганс обнял бедную подругу.

– Мне все снятся жуткие сны. А теперь и наяву мне видится монстр. Я вижу чудище по вечерам, когда в комнате горит свет, а я смотрю на темную улицу. Иду в никуда, Ганс. Впереди туман, – она снова задрожала.

Тут до них донеслись звуки музыки. Ганс выпустил Лилиан из объятий и оба они начали вслушиваться в поисках источника. То был Неоновый дракон. Судя по всему, синте-

затор был готов. И вдруг раздался гром, первые капли оро-
сили землю, а затем полило как из ведра. Лилиан обратила
лицо к плачущему небу, облегченно вздохнула и начала ти-
хо-тихо петь:

Это просто дождь, весенний дождь

Шум воды, бегущей по дворам

Скоро грянет гром, весенний вождь,

Разметав газеты тут и там.

Скоро вновь распустится листва

Снова позовет гулять сирень

А затем опять придет гроза

Укрывая мир, бросая тень...

Часть 2. Точка невозврата

7. Убийство

На земле валялось окровавленное тело. Вокруг сновали прохожие, раздавались крики. Убийца успел скрыться, но жертва была еще жива. Пока. Судя по всему, это был счастливый день (не считая покушения), ибо все произошло прямо напротив больницы доктора Ньюмана, куда жертву и перенесли.

Мужчину уложили на операционный стол, после чего доктор осмотрел тело: прямо в середину лба жертвы вонзили гигантский кукри. Лезвие вошло глубоко в мозг и плотно там засело, даже крови почти не было.

– Тут уже не помочь, доктор, – умоляющим тоном говорила сестра.

– Нет, будем оперировать, пока он еще жив. Камфары!

Операция продолжалась добрых двенадцать часов. Тяжелее всего было извлечь орудие без дальнейшего вреда мозгу пациента. На втором часу операции доктору показалось, что в здании резко похолодало.

Минутным перерывом врача воспользовался один из работников больницы.

– К вам господин Ольгерд Даврон, – отчитывался он, –

сказал, что за телом.

– Передай ему, что пациент еще жив.

– На этот счет он сказал, подождет.

Двенадцать часов спустя уставший доктор Ньюман вышел на балкон и впервые за день закурил сигарету, которую поднес ко рту дрожащей рукой. Тут на балкон вошел Теодор Ольгерд Даврон. Он поклонился и подошел к доктору.

– Каждая сигарета приближает день, когда вы станете моим клиентом, доктор.

– Вы еще здесь? – недоумевая спросил Ньюман.

– Соболезную потерю пациента, – он снова поклонился.

– Он выжил, – с усмешкой сказал доктор. В его голосе чувствовалась победа.

– Вот как, – удивился Даврон, – и меня бывает подводит чутьё. Вы действительно умелый доктор.

Небольшую паузу, возникшую после этого, прервал сам доктор Ньюман.

– Снизошли до простых смертных, герр Теодор Ольгерд Даврон?

– Люблю я свою работу. Слышали новости, док? С востока идет чума. И вам и мне она несет много новых клиентов.

– Или заберет нас сама.

– Знаете, мистер Ньюман, – вам могло показаться, что наши профессии слишком разные. На самом деле мы похожи, постоянно провожаем людей в последний путь. Лицедей жизни и смерти.

– Раз уж вы один из олигархата, – сказал доктор, докурив сигарету, – да и такой добряк в придачу, введите карантин пока в городе нет зараженных.

– Меня не слушают. В случае чего, правительство сядет на свои воздушные шары и улетят от людей подальше. К тому же мне просто не выгодно прервать будущий денежный поток, вы уж мне простите.

– Если город вымрет, у вас не останется клиентов.

– Нет, доктор. Я знаю, вы сделаете всё, чтобы не допустить этого, – сказал «повелитель мертвых» и вышел.

А доктор Герберт Ньюман еще несколько минут стоял на балконе и курил, размышляя о пациенте. Жертвой нападения был мужчина по имени Кристиан Од, работник местного завода электротехники. В свободное время он участвовал в сходках какой-то банды, где имел прозвище Катод.

8.Раздвоение

Его мир был разделен пополам холодной стальной стеной. Стена эта не имела физического воплощения, она скорее напоминала границу двух вселенных.

По одну сторону стены сверкали тысячи таких же холодных синих молний, они постоянно образовывались в полной темноте. Вместе молнии образовывали некий таинственный узор. Во всей картине угадывалось нечто систематическое и механическое. Если бы он только мог дольше всматриваться в пространство молний, но взор его привлекало и другое измерение.

То было измерение розового и фиолетового дыма, хаотично клубящегося и извивающегося. Здесь пахло цветами и травами; до ушей (которых у него, казалось бы, и нет) доносились приятные музыкальные звуки. Пространство розового дыма вдохновляло.

И все же оставался некий дискомфорт. Сначала он думал, что два измерения идеально контрастируют и должны быть разделены перегородкой холодного металла. Но потом она стала мешать. словно не дает им соединиться, а они так хотят, так бьются. Но теперь они сами по себе, пространствам придется учиться жить по-отдельности.

И вдруг все начало обращаться в темноту. Два бесконечных измерения стали сужаться, пока не оказались заперты в

двух маленьких колбочках. Так тесно и так больно. И вдруг все как ножом прорезал белый свет.

В небольшой белой комнате, освещаемой светом дня, пахло карболкой. Катод не мог поднять голову от постели. Он ощупал её руками: вся в бинтах. В глазах все плыло.

Чувство времени утрачено полностью, он не понимал, как оказался здесь, сколько времени прошло и даже какой сейчас год. Некое чувство безвременья посетило его: пустота в том отделе головного мозга, которая отвечает за ощущение времени. Основание шеи болело, словно позвоночник, подходя к голове, разделялся пополам.

Он попытался окрикнуть кого-нибудь, позвать к себе, но ничего не получилось, воздух застыл в глотке. Единственное, что он сейчас мог, это дышать и наблюдать. Анализировать он мог лишь наполовину, он понимал, что видел, но не мог увязать друг с другом. Логические цепочки просто не выстраивались. Сколько времени он лежал так, открыв глаза? Неизвестно. Иногда приходили люди. Чаще всего это была девчушка в белом халате. А на секунду ему подумалось, что это, должно быть, медсестра, но эта связь оборвалась быстро. Чуть реже заходил старичок. Он внимательно осматривал Катода, что-то говорил. Приходили еще двое людей: мужчина и девушка. Он выглядели до боли знакомыми, он пытался, так пытался вспомнить, кто они. Кажется, друзья.

Спустя вечность к нему вернулась способность говорить. Сестра, которая была приставлена к нему, при этом отмеча-

ла: то он изрекался простыми предложениями, то начинал применять фантастические тропы. Примерно тогда же начало возвращаться чувство времени. Мир Катода восстанавливался постепенно. Связи заново образовывались, как если бы паук плел свою паутину. Когда же Катод снова мог поддержать беседу, к нему явился сам доктор Герберт Ньюман, его спаситель.

– Вам невероятно повезло, – сказал он с порога, – немногие переживают ранение такой силы. Шанс один к ста тысячам, я бы сказал.

– Да? – взгляд пациента казался отрешенным, – спасибо.

– Не за что. Мой долг. Теперь нам надо провести разговор и пару тестиков на интеллект, дорогуша.

– Конечно, сударь, – взгляд Катода прочистился и вдруг стал ясным, – касательно какой сферы будет разговор?

– Не вызывает ли речь у тебя затруднений? – спросил доктор в первую очередь.

– Почти нет. Единственное, я словно с задержкой понимаю смысл ваших слов, доктор.

Далее Ньюман попросил его прочитать вслух прозаический текст и стих. Катод неплохо справился прозой, но стих начал криво, однако примерно на середине, голос его неожиданно приобрел мелодичность и выразительность. Доктор удивленно наблюдал за ним и делал записи в своем блокноте. Ньюман решил провести небольшой письменный тест с простыми вопросами. Он принес бумагу и пару карандашей,

которые положил на стол. Туда же он положил текст задания.

Катод взял карандаш в правую руку, но внезапно другая рука вырвала карандаш и стала писать тест за правую. Сам пациент этого не заметил, или не подал вида. Правая рука не захотела сдаваться и взяла еще один инструмент для письма и лист бумаги. Вместо того, чтобы решать тест, она стала рисовать.

– Поразительно. Поразительно, – только и говорил доктор. Он пришел к выводу и озвучил его Катоду, – У вас сильно повреждено мозолистое тело, соединяющее правое и левое полушария головного мозга. По чистой случайности, твой мозг пережил травму и продолжил функционировать. Но вот его полушария... скажем так, решили обособиться и начали жить собственной жизнью. Нет, это не раздвоение личности. Скорее автономия отдельных её половин.

– Как измерения молний и розового тумана!

– Без понятия, о чем ты, но, наверное, ты прав.

Со временем вернулась память. Вся прошлая жизнь. Единственное, что оставалось за завесой, кто напал на него тем днем. С одной стороны, Катод понимал, как ему не повезло, но с другой осознавал, как же сильно ему повезло. Несколько раз к нему заходили его друзья: Ирокез и Никс. Они рассказали ему про возмущения энергетических потоков города и тучах, сгущающихся на горизонте. Весь город, по словам электроокультистов был пронзен напряжением перед каким-то событием. Некое затишье перед бурей.

– В порту активизировались мелкие кланы. Они стали набирать силы и объединяться, – рассказывал Ирокез, – мы чувствуем, что они несут за собой темную энергетику. Нам пора бежать из Города, как прискорбно бы это не звучало. Ждем, когда тебя выпишут, и валим. Может быть, порядочные жители торговой зоны и благополучных кварталов и отсидаются, но нам грозит гибель или чего похуже.

– Тени мелькают в свете немногих фонарей, – продолжила за Ирокеза Никс, – как крысы бегут по канавам, они бегут в тенях. Кто-то готовится нанести удар, возможно, именно они напали на тебя.

– Ничего не понимаю. Много что произошло, пока я был в отключке?

– Да. Я еще несколько раз проводил обряд по обличию пожирателя. Но уже с другими людьми. Он, Пожиратель личности, так же активизировался. Мне кажется, та девчонка, Лилиан, в большой опасности. Угроза не столько жизни, сколько личности как таковой. Однако ни её саму, ни её друга, Ганса, мы не встречали пока что.

Они ушли. Катод долгое время прибывал в задумчивости. Он вышел на балкон и стал осматривать город, пыльный и грязный. В закате тени домов словно плясали, но танец их застыл. А на краешке глаза столпом света сиял Игдрасиль. Сейчас он казался вечным и непоколебимым, хотя ещё несколько десятилетий назад пылал. Люди передвигались отдельными стайками, медленно, словно крадучись.

Только один человек быстро сновал по улице. Катод пригляделся и увидел высокого тощего блондина.

– Ганс! Ганс, – позвал он, – Иди сюда, нужно поговорить!

– Катод? Ты ли это? – ответил ему Ганс, – что случилось, ты почему в больнице?

– Заходи быстрее, пока время приема не окончилось, все расскажу.

В палате Катод все рассказал зашедшему к нему юноше.

– Ничего себе. Ты теперь, пожалуй, уникальный человек, – сказал Ганс в конце рассказа.

– Это еще не все. У меня есть важное сообщение для Лилиан, где она?

Ганс замялся.

– Самому бы знать ...

– Что? Как? – Катод был ошарашен.

– Она пропала. Понимаешь, все началось с того, как на тебя (оказывается, на тебя) напали. Все закружилось. События мелькали одно за другим. Следствие. Обыск. Обвинение. Слезы. Кукри, что достали из твоей головы – редкое, антикварное оружие. Пропажа обнаружилась быстро. За день до покушения нож-кукри пропал из оружейной лавки Августа Рае, отца Лилиан. Слова, что он – единственный, кто имел доступ к оружейной, стали веской причиной для задержания отца Лилиан на время следствия. Он никому его не продавал, да и кукри лежало далеко не на самом виду. Ты же не мог дать показания, так как был в отключке. Я надеялся, что,

когда Кристиан Од (а твое прозвище созвучно с реальным именем) проснется, он поможет следствию, и Августа отпустят. Но, видно не судьба. Так вот, задержание отца стало сокрушительным ударом для Лилиан. Она заперлась у себя, никому не открывала. Даже мне, – в этих словах слышалась неподдельная боль, – а потом просто пропала. Сейчас я бегая по городу и занимаюсь поиском. Больше за ней пригласить некому.

– Ужас. Тогда не буду больше тебя у себя задерживать. Удачи в поисках. И учти, Пожиратель личности активизировался, девочке грозит непоправимое.

Ночь шла беспокойно. Левая сторона головы горела страстным желанием уснуть, в то время как правая металась и загоралась идеями творчества. Обособление полушарий сделало каждое из них более настойчивым и сильным, но при этом разрушило всякую связанность, из-за чего все образы, появляющиеся то и дело в сознании, оставались бессвязными. И это полуночное время, когда одна сторона сознания открывает двери в пустоши сна, а вторая мечется как ураган, достойно названия агонии. Сама личность же находилась в стороне от происходящего, вне пространства. И ей все это порядком надоело.

Катод встал с постели и подошел к окну. В комнате было довольно темно, единственный свет попадал сюда с улицы. Неосознанно он встал к окну так, что его лицо в отражении оказалось разделено оконной рамой, что делилось ровно на

две половины. Правое полушарие воспринимало вид ночного города, как нечто прекрасное, раз в секунду выдавая по сто идей его запечатления. Шум в голове достиг невыносимого предела, радиопомехи мыслей грызли мозги. Лицо как-то искажилось от боли, левую часть лица свело судорогой, она двигалась так, как если бы он говорил ей:

– Эй, тебе же надоел наш сосед по палате? – слушал он свои мысли, – уж больно он шумный, громкий и навязчивый. И знаешь, что? Мне тоже. Я предлагаю нам избавиться от него. Слушай план. Только тсс, никому не слова...

9. Последнее пристанище душ

Перед Гансом стояла следующая задача: обойти весь город, заглянуть под каждый камень, но найти Лилиан. Полиция начала её поиски, но Шнайдер не особо в неё верил, так как знал, что дальше кольца благополучных районов они заходить скорее всего не будут. Он и сам немного побаивался заходить туда в одиночку, но что поделать? Сердце подсказывало ему, что она жива, а мозг был напряжен полностью. Он использовал все свои силы, чтобы додуматься, где могла затеряться маленькая девочка в огромном монструозном городе.

Выйдя от Катода, Ганс встал посреди площади и закрыл глаза. Мысленный взор его поднялся в небеса и оглядел город. Но вот незадача, районы перемещались в его воображении, перетекали один в другой. Коварная нехватка концентрации – вечный враг молодого человека. Он сжал кулаки

– Да будь это все проклято. Даже сейчас не могу нормально думать. Почему я никогда не могу сосредоточиться? Дурень, – бормотал он себе под нос.

– Сигаретку, – спросил голос рядом с ним. Ганс огляделся.

– Здравствуйте, доктор. Не надо, не курю.

– Как доктор, я должен отговаривать людей от курения, но тебе, я вижу, оно сейчас нужно. Было бы виски, предложил его, – Герберт Ньюман улыбнулся и взглянул на небо, –

первый раз за последние недели иду домой, а не в больницу ночью. Редкая возможность. Хотя... скорее всего через часик-другой вызовут.

– Как вы думаете, доктор, куда в Городе могла затеряться девушка на грани нервного срыва?

– Ты про Лилиан? – Он нахмурился и почесал подбородок, – она так и не пришла на второй прием. Из того, что я понял, она очень умная и сдержанная. Но вот, что меня интересует, у неё сильная воля к жизни?

– Вы намекаете...

– На суицид? Да, вполне возможно.

– Нет, она не такая. Лилиан по отвесной стене готова забраться при необходимости. Даже на экзамене, когда у неё пропала память, она какое-то время еще пыталась писать, отказывалась отступать, пришлось её выгонять, – он улыбнулся, – Она всегда ищет решение. Даже в такой ситуации как та, в которой она оказалась. Вы можете подумать, что я просто расхваливаю её. Но вы встретили Лилиан, когда она уже была в плачевном состоянии, а я прожил с ней всю жизнь. Для вас это лишь клочок. Понимаете, одно дело справиться с внешним врагом: трудностями, препятствиями, неудачами. Другое – с врагом внутренним. Она не знает, куда податься и что делать. Фух, надо же, вот это я речь загнул!

– Если она и правда такая, какой ты её описал, Ганс, то вряд ли ей что-то угрожает, – попытался утешить его доктор, но Гансу утешения были не нужны, он сам себя вдохновил

своей репликой.

Но вдруг в сердце кольнуло дурное предчувствие, и ядовитая мысль червем забралась в голову.

– Если только... Знаете, док, я в последнее время её совершенно не узнаю.

– Человек меняется в тяжелой ситуации. Либо открывается с новой стороны. Если уж сигареты тебе ни к чему, попробуй зеленый чай, может помочь.

– Спасибо, док.

– Береги себя, – Ньюман пошел своей дорогой, Ганс пошел своей.

Ганс пришел к началу. К Неоновому дракону. Он сел на скамейку и стал наблюдать за городом, погружающимся в ночь. Ветер гулял по пустынным улицам. Ганс закрыл глаза. Свежий вечерний воздух дарил спокойствие. Сильный порыв ветра словно прошел сквозь плоть Ганса, обволакивая кости. В кафе нанятый музыкант играл мелодию, казавшуюся такой мистической и странной. Разыгралось воображение.

Снова перед глазами его выстроился город, но в немного другом смысле. Ветер, что проходил сейчас сквозь него, гулял повсюду, видел каждого человека, запомнил каждый дом и каждый шорох. Если бы у воздуха, сквозь который проходит тысяча звуковых волн, десятки тел, была память, то он бы мог ей поделиться. Ганс представил это. Ветер шептал в его воображении:

«Рано утром, когда солнечные лучи лишь слегка выгля-

дывали из-за горизонта, девушка, запершая свою квартиру изнутри, спустилась вниз через окно. Она пошла на север, к предгорьям, шатаясь и страшась каждой тени. Она поднимается вверх по склону и идет туда, где провела детство...»

Ганс открыл глаза. Вдалеке виднелась тень старой заброшенной церкви, места, где они с Лилиан любили играть в прятки, будучи детьми. Место, которое он не учел в своих размышлениях.

– Так не далеко и в мистику поверить, – пробурчал Ганс и отправился в путь.

Темными дворами он быстрым шел шагом, все дальше удаляясь к границе города. Дома становились все кривее: ровные кирпичные дома центра города сменились старыми неказистыми деревянными домами, то просевшими, то наклонившимися. На небольших клочках земли у домов были расставлены пугала. словно мертвые стояли в темноте. В один момент, при переходе на новую улицу, холодок пробежал по шее Ганса. Он остановился и прислушался. Что-то не так. Пару секунд он стоял в задумчивости. А потом он понял и сердце его сжалось от осознания: когда он шел слышались шаги от двух пар ног, хоть и с совсем небольшим отставанием. Некто шел сзади него, причем достаточно близко.

Он начал поворачиваться и увидел, что на него летит чья-то фигура, в руке которой сверкает металл. Секунда, способная спасти жизнь. Ганс прыгнул вправо. Упав в лужу, он тут же потянулся рукой к кобуре револьвера. Нападающий, про-

летевший на метра полтора вперед, повернулся и двинулся к нему. Пол и возраст его определить невозможно: все тело скрыто под одеждой, лицо закрыто маской, а глаза – очками. Он был одет в полностью черное, но на правой руке была повязка красного цвета с четырьмя черепами, исходящими из одной шеи. Он снова бросился к Гансу, но тот в свою очередь выстрелил из оружия. Не попал, зато сбил с толку и дал лишнюю секунду вскочить и разорвать дистанцию.

Ганс направил пистолет на нападающего:

– В следующий раз, я промахиваться не стану.

Они какое-то время не отводили друг от друга глаз, ловя каждое движение. Пугала во дворах превратились в немых зрителей «гладиаторского» сражения нового времени. Ганс постепенно наращивал дистанцию, готовясь в случае нового нападения убежать, так как на деле он не был уверен, что попадет.

– Так, – Сказал Ганс, пытаясь придать своему голосу максимальную уверенность, – теперь ты отправишься со мной в полицию. Возьмут тебя под белые ручки.

– Жалкий пес оккультистов. Ваше время прошло, – слышался хриплый голос, – вас будут отлавливать по одному и вырезать.

– Оккультистов?! Психопат, я не с ними.

– Не ври. Нас не обмануть. Наши глаза повсюду. Наше время пришло. Ты замазан.

– А ты говоришь, как придурок, – передразнил его Ганс

от возмущения.

Психопат хотел рвануться на него. Но Ганс нажал на курок. Нападающий сразу остановился.

– Ай-ай. Ты не в том состоянии, чтобы угрожать мне или нападать. Теперь отвечай, кто вы?

– Не дожدهшься, собака, – прохрипел тот.

– Да что тебе собаки сделали? Покусили в детстве что ли? – Ганс звучал все увереннее, – говори, давай. Это вы напали на Катода?

– Хе-хе, эту честь у нас украли.

– Кто? Ты знаешь? Говори немедленно!

Психопат замер, а потом резко рванул в сторону и скрылся с такой скоростью, что Ганс даже не успел среагировать. Дальнейший путь студент шел с невероятной осторожностью, опасаясь повторного нападения. Кто знает, чтобы чувствовал он, зная, что в ту ночь спасся от последователя кровавого культа, Алайсиаги, который еще много лет будет держать в страхе весь Город. Их называли первыми предвестниками «чумы крови». Именно о них говорил Ирокез, навещая Катода в больнице.

Путь в предгорья шел по тропе, усыпанной гигантскими валунами, которые, по легенде, были троллями, обращенными в камень и ждущими пробуждения. И вот перед Гансом предстало здание старой церкви. Верующих осталось не так много на свете, большая часть из них ходило ныне в небольшую церквушку в черте города. Некогда большой храм опу-

стел. Для Ганса это был символ перемен: старые порядки, некогда казавшиеся незыблемыми, уходят в прошлое. Древесина, из которой была построена церковь, почернела от времени, из-за этого церковь напоминала черное пятно на реальности.

Ганс подошел ко входу и прислушался: в церкви было тихо, но вот со стороны гор доносились шаги и виднелся тусклый огонек фонаря. Ганс держал наготове свой револьвер на случай повторного нападения, хотя разум подсказывал ему, что убийца не стал бы идти на него с подсветкой, становясь отличной мишенью.

К церквушке, крихтя и охая, вышел старичок, держащий в руке керосиновый фонарь. Ганс вышел к нему из укрытия: он прятался в портале церкви. Сначала он выставил вперед свое оружие, однако быстро смягчился и опустил его. Секунду и старик, и юноша молча смотрели на друг друга, стоя в полночной тиши, в которой раздавалась только песня сверчков. На юге неоновыми огнями пылал город, бросая немного дополнительного света на людей у церкви.

– Кто вы? – синхронно спросили они друг друга.

– Сначала вы, – настоял студент.

– Ладно-ладно. Успокойтесь молодой человек. Я местный смотритель.

– Смотритель? Чего? За чем здесь присматривать.

– Чтобы заблудшие души не сбегали из желтого городка.

– Тааа-а-ак, поясните. Что еще за желтый городок?

– Ох, давно вы газет не читали, юноша? Это старая усадьба, переделанная под дом душевнобольных. Там нашли себе последнее пристанище души, потерявшие путь. Всех больных перевели из городских больниц сюда.

– Это давно было-то?

– Полгода как.

– Ничего себе, я и не слышал. Послушайте, – одна мысль вдруг пришла ему в голову, – Отведите меня туда, пожалуйста. Я ищу одного человека.

– Все уже спят. Давайте с утра.

– Дело срочное. Если понадобится, я привлеку полицию.

– Ладно-ладно, пойдемте. Я разбужу для вас администратора.

Вдвоем они продолжили путь в предгорья, к желтому городку.

– А в чем вообще заключается ваша работа? – любопытствовал Ганс.

– Я смотритель. Слежу, чтобы больные не сбежали.

– А вы не боитесь их? Сумасшедшие бывают крайне агрессивными, а вы даже не вооружены.

– Меня они не трогают. Почему, не знаю. Есть у меня шарм особенный что ли. Тем более, агрессивные сбегают у нас не так часто, им и в городке хорошо. В любом случае, мне нравится гулять по ночам.

– Знаете, на меня только что напал психопат. Но не думаю, что он сбежал от вас...

Ганс рассказал ему про нападение, на что старик только пожал плечами. Подошли к усадьбе. Вокруг одного главного здания, где когда-то давно жили владельцы, находилось еще несколько маленьких домов. Все было выкрашено в желтый цвет. Юноша остался ждать в приемной. Через некоторое время пришла женщина преклонного возраста в белых одеждах. Ганс изложил ей суть дела. Женщина молча кивнула и ушла, оставив студента одного. Вскоре она вернулась. С ней была она. Лилиан. Девушка шла с широко распахнутыми глазами.

– Ганс. Что ты делаешь здесь? – спросила она.

– Пришел за тобой, – он подошел к Лилиан, после чего обратился к врачихе, – зачем было забирать её? Она совершенно нормальная.

– Я сама пришла, – перебила его подруга. Ганс уставился на её с недоуменным выражением лица. Она продолжала, – я надеялась найти помощь и покой, а попала в преисподнюю. Забери меня, прошу!

– Для этого я здесь. Пойдем.

Лилиан не была буйным или опасным пациентом, как сказала женщина. Девушку отпустили под расписку Ганса. Они стояли во дворе.

– Это был ад, – рассказывала Лилиан, – да, много людей спокойных, но остальные... При мне один пациент откусил пол ладони сестре. А как они воют по ночам, ты бы слышал.

– Не, сейчас тут довольно тихо.

– Это луна не видна просто.

Через несколько минут, словно в подтверждение ее слов, небо слегка расчистилось, и предгорья залил лунный свет. Сначала слышались первые слабые стоны, их было немного, но они нарастали, пока не превратились в крики, которые цепной реакцией пробуждали других душевнобольных и вызывали новые стенания. Так луна, вечный гость ночного неба влияет на человечество, не дает покоя. Даже самый здоровый разумом и сильный волей человек не в силах устоять перед её коварными чарами.

– Это их последний приют, но и здесь нет покоя душам. У многих луна разрывает некогда разбитое и сшитое заново сердце. Для кого-то минувшая война идет до сих пор. Тридцать лет спустя. Некоторых из них водят в церковь по воскресениям, но мало помогает.

– Неудивительно. Это все равно, что пытаться выбить одну выдумку другой. Разве принесет покой вера, которая обещает тебе вечные страдания после смерти в случае малейшей ошибки? Пойдем, дорогая.

Когда, идя по тропе к городу, они проходили мимо церкви, Лилиан неожиданно остановилась и повернулась к входу.

– Давай зайдем туда. Сто лет не были, – попросила она.

Ганс нехотя согласился. Благодаря тому, что сюда вели пациентов больницы, внутри стало чище. Латанный алтарь уже не валялся на полу, а был поставлен. Сквозь разбитые витражи внутрь проникал серебряный лунный свет. Они

уселись на скамеечку.

– Все кажется таким мистическим, – дивилась Лилиан.

– Все работа нашего мозга. Мы не можем воспринимать мир чисто с реалистичной точки зрения. Придумываем себе несуществующих друзей и врагов.

– А мне после посещения оккультистов и больницы стало казаться, что люди, наоборот, всеми силами стараются игнорировать необычность вокруг нас. Пропажи людей в Красном здании. Огни на заброшенном маяке на острове. Призраки домов...

– И тем не менее, все это бредни. В нашей скучной жизни нам так не хватает чего-то необычного, что не остается ничего иного, как придумать монстра или духа, – спокойно рассуждал Ганс в привычной манере.

Лилиан резко повернулась к нему.

– Твой скептицизм меня уже достал, – выпалила она.

Она пригнулась и неожиданно бросилась на него, повалив на пол. Она встала над ним и вцепилась ногтями в плечи.

– Ты чего?! – прокричал Ганс, но Лилиан вместо ответа бросилась к его лицу с раскрытым ртом.

Он сумел вовремя отвернуть голову, чтобы не получить серьезного ранения, но взбесившаяся девушка успела до крови укусить его за ухо. От боли Ганс забыл про приличия и сбросил девушку с себя. После чего вскочил. Он оперся на алтарь и отдышался. На полу перед ним лежала, свернувшись в клубок, Лилиан, она плакала. Он подошел к ней, при-

сел и стал гладить по голове.

– Все хорошо. Все хорошо. С кем не бывает? А за мое ухо не расстраивайся, не откусила, да у меня и второе осталось на всякий случай. Пойдем, мы все ждем тебя дома.

Он помог ей встать. Вместе они отправились в Город. К тому моменту, как они вошли в центральную часть города, уже занялся рассвет. Проходя мимо больницы доктора Ньюмана, они остановились, увидав там толпу людей.

– Что здесь происходит? – спросила успокоившаяся Ли-лиан.

– Ничего хорошо, думается мне, – ответил Ганс.

10. Захват больницы

Толпа людей окружила больницу со всех сторон, среди них были врачи, пациенты и просто прохожие. Было много полицейских. Повсюду стоял шум и гам. Позади всех, немного в стороне, стоял и сам доктор Герберт Ньюман. Он нервно курил, смотря на здание. К нему-то и подошли Ганс и Лилиан.

– Док, что происходит?

– А, вижу ты нашел Лилиан, Ганс, поздравляю. Как вы, фройлен?

– Наплевать. Говорите, что происходит.

– Ладно, успокойтесь. Стоило один раз отправится домой поспать. Какой-то псих захватил больницу и взял почти всех пациентов в заложники. Подвел к дверям и решеткам на окнах напряжение, чтобы не смогли к нему пробраться. Сам же он, как говорят, вооружился оголенным проводом. Что он там делает, непонятно.

Ганс окинул глазами толпу.

– Это все пациенты, которым удалось выбраться?

– Да, – ответил доктор.

– Там внутри должен был остаться Катод.

– Я вам скажу больше, – перебил его доктор, – подозреваю, что это он и устроил. Среди больных только Кристиан Од обладает достаточными знаниями для электрических ло-

вушек. Полиция хочет проникнуть внутрь через подвал. Будем надеяться, что его он не подключил к напряжению.

Тут двери больницы распахнулись и наружу вышел сам виновник торжества. Катод нашел свою старую одежду, поверх которой теперь висело множество проводов. На голове его располагался металлический шлем с множеством лампочек и контактов. В руке он держал два оголенных провода. Он вышел с видом победителя.

– Это реально он. Ужас, – прошептала Лилиан, – ужас.

– А теперь слушайте все, дорогие зрители, – раскатистым голосом заговорил Катод, – сегодня, у больницы доктора Ньюмана, вас ждет интересное представление. Мне раскрыли мозг пополам, и каждая половина, каждое полушарие теперь требует своей доли в руководстве. С одной стороны, в моей голове бьется тысяча молний, а с другой – клубится розовый туман, непрерывно кричащий, пахнувший корицей. Я уже не человек. А кто из нас может этим похвастаться? Я просто коробка для двух дурацких сущностей. Серое вещество. Белое вещество. А где человек, а где я? Неужто все, чем мы являемся – союз двух, а может и больше, структур? Признаюсь честно, сам я в этом ничего не понимаю. Но сегодня я положу этому конец. Хватит, надоело. Черный человек намекнул мне, что меня должны убить, но оплошал. Вместо этого мне просто сломали жизнь. Ни на чем не могу сконцентрироваться. Левая рука хочет паять схемы, а правая – писать стихи. Самая настоящая гражданская война, только

место сражений ни город, ни страна – тело. И вот, во мне с ожесточенностью бьются две энергии. Но я – гордый оккультист – верю, что тут победить может только одна энергия – электрическая!

С этими словами он стал подносить один оголенный кабель к другому. Металл почти что прошел в соприкосновение, когда правая рука вдруг дернулась и отодвинулась от левой. Катод явно не ожидал этого. Он стал усиленно подносить левую руку, но другая, словно дразня, удалялась все дальше. Началось не шуточное противостояние.

– Отдай, – кричал Катод своей же руке, – хватит игр!

Во время конфронтации одна нога его соскользнула со ступеньки вниз, и безумец упал с крыльца. Провода оказались на земле. Пара полицейских подбежали к нему и стали пытаться заламывать. И им успешно удалось обездвигнуть ему одну руку – правую. Это была роковая ошибка. Катод использовал секунду в своих целях. Зубами он взял один провод, а левой рукой перехватил второй, после чего тут же соединил. Посыпались искры. Полицейские отпрыгнули в сторону.

Шлем на голове электроокультиста искрился и дымился, а тело билось в конвульсиях. Резкий хлопок, и все затихло. Катод встал и снял с себя шлем.

– Все кончено, он мертв, – сказал оккультист, – а всего-то надо было пропустить достаточно электричества через правое полушарие.

После этих слов он рухнул на землю. Доктор подошел к нему, осмотрел и покачал головой.

– Смело, но опрометчиво. Он сжег себе мозги.

Вдруг послышался голос со стороны.

– Всего один день. Неплохая точность, – старческий голос одновременно вмещал в себя горечь и некое злорадство.

Это был Теодор Ольгерд Даврон. Он подошел к телу, раскланиваясь всем присутствующим. Лилиан и Ганс не стали смотреть на то, что было дальше. Они молча пошли прочь. Оба были поражены произошедшим.

– А ведь он справедлив в своем вопросе, – заговорила Лилиан, – где человек? Когда-то я думала, что мои знания и умения – неотъемлемые мои части. Но они все пропали. Я забыла все и теперь как пустышка брожу по миру. Умерла часть меня, или знания никогда ею не были.

– Вполне возможно, что человек – пазл из черт характера. Каждая деталь нашего существа определяет нас. Наши воспоминания, умения, привычки и предпочтения – такой мы удивительный комплекс.

– Я не хочу быть комплексом обрывочных черт. Я хочу быть Лилиан Рае.

11. Во тьму

На следующий день они шли по почти пустой улице. Подошли к небольшому магазинчику, от которого веяло прохладой. Внутри в холодильниках виднелись лотки с мороженым.

– Тебе какое, Лиль? – спросил Ганс.

– Я не хочу, спасибо, – ответила она, как вообще можно наслаждаться чем-то после того, что мы увидели.

– Извини, я просто подумал, что тебе было бы неплохо развеяться. Налюбуешься дальше.

– Неужто нас всех так просто забудут. Надо жить дальше. Мы умрем, исчезнем. Все, что делало нас людьми просто растает? А люди продолжают жить, радоваться, есть мороженое. Никто даже не заметит, что мы были.

Пошли дальше. Далеко впереди уже виднелось привычное здание Неонового дракона

– В драконе теперь постоянно играет просто отпадная музыка, – тебе понравится.

– Не знаю. Пытаюсь вспомнить хоть одну мелодию, а в голове только шум. Радиопомехи.

– Все будет хорошо, ты вернешься к прежней жизни, вот увидишь.

Когда пришли в Неоновый дракон, там было совсем немного людей. Их встретила Альва, неукротимая работни-

ца заведения, любимица клиентов. Ганс с Лилиан уселись за барную стойку. Толи от усталости, толи от еще чего-то девушка положила голову на столешницу.

– Рада видеть вас в живых, – сказала им Альва, – выглядите, как будто только что из боя. Ганс, ты бы себя видел. Это у тебя ухо кровоточит?

– Альв. Ничего сейчас не хочу рассказывать.

На это девушка капризно сжала губы. Тут голову от стола подняла Лилиан.

– Мы видели самоубийство человека. И не абы кого, а Катода, который сделал вам ваш дурацкий синтезатор.

Альва заметно расстроилась. Причем даже не столько известием, сколько совершенно отрешенным выражением лица Лилиан, её замутненным глазам.

– Тебе бы выспаться, милая, – посоветовала она.

– К черту. Все равно не усну, – ответила студентка и тут же отрубилась.

Ганс вышел на улицу, следом за ним вышла и работница заведения.

– Что вы собираетесь делать, Ганс? – Альва очень переживала.

– Пока не знаю. Как только ей станет лучше, поведу её к врачу. Она сама на себя теперь не похожа. Больно смотреть. Ты спрашивала про ухо? Это она меня укусила в припадке ярости. На ухо-то мне до лампочки, но Лилиан сейчас требуется особая поддержка. Мне пришлось забирать её из

желтого городка, и, поверь мне, я не хочу, чтобы она туда возвращалась. Мне кажется мы её теряем. Нужно как можно быстрее вести её к доктору...

– Никто никуда не пойдет, – послышался голос сзади них.

Ганс и Альва обернулись, перед ними стояла Лилиан. На лице её застыла ярость. В руке она держала кухонный нож. Из запасного выхода выбежал повар:

– Берегитесь. Я не успел среагировать, она ворвалась на кухню и схватила нож!

– Заткнись, – голос Лилиан звучал яростно и опьяненно, – На чем я остановилась? Да! Никто никуда не пойдет, ясно? Я теперь сама по себе. Мой мозг опустел, мой отец задержан, сама я как развалюха. Но я никуда не пойду, я не вернусь в психушку и не закончу как Катод. Слышите, – она обвела всех ножом, – шанс помочь, очевидно потерян. Да, видимо оккультисты были правы, ко мне прицепился дьявол и истаскал. Ну и что с того, они ничем не помогли, – она явно сдерживала ком в горле, – будьте вы прокляты, вы и весь Город с его духами и демонами. Я всего лишь хотела. Всего лишь хотела...

– Все хорошо, милая, – выступила вперед Альва, – никто никуда тебя не поведет. Мы твои друзья, мы любим тебя. Позволь нам помочь тебе.

Лилиан сжала нож и двинулась вперед. Альва вскрикнула от испуга.

Весь мир застыл перед глазами Ганса. Доли секунды пре-

вратились в вечность, которая ушла на то, чтобы детально оценить сложившуюся ситуацию. «Альва прикрывает лицо, у неё нет шансов». Лилиан пригнулась и собирается броситься на неё и пырнуть ножом в рывке. У неё нет шансов, – повторно рассудил он, – секунда, не больше, вот сколько у нас есть». Времени на мораль и совесть больше не было. Воздух стал густым и склизким.

Озверевшая Лилиан кинулась вперед. Её еще секунду назад потерянный взгляд запылал, губы скривились в перекошенной улыбке. В глазах Альвы, напротив, поселился страх и осознание неизбежной кончины. Сумасшедшая преодолела два метра, после чего неожиданно согнулась пополам. В воздухе повис звук выстрела. Альва, не веря, что спасена, застыла на месте. Все свидетели этого события стали оглядываться по сторонам, выискивая стрелка. Их взгляды остановились на Гансе Шнайдере, который и сам превратился в мраморную статую после выстрела.

В правой руке его был стиснут револьвер, от которого уходило маленькое и легкое облачко дыма, казалось, оно физически не способно быть предвестником убийства. Бесконечно долгая секунда минула, Ганс сделал шаг вперед и бросил оружие на землю. Он поволочил свинцовые ноги по земле в сторону Лилиан. Казалось, вот-вот и он сам рухнет за мертво.

Девушка выпрямилась. Правой рукой она держалась за живот, меж пальцами сочилась кровь. Лилиан и Ганс на се-

кунду пересеклись взглядами. Шнайдеру казалось, что глаза его подруги стали такими же чистыми как прежде. Однако мимолетный просвет окончился. Безумная улыбка вновь застыла на лице девчонки.

– Достал меня. Сукин ты сын, Ганс, – просмеялась она, после чего отхаркнула кровью, – из-за тебя помирать теперь. Забавно.

– Лилиан, – единственное, что он смог выдать из себя в ответ. Он стоял всего в паре шагов от неё.

– И ради кого? Ради этой крашенной шлюхи, она не стоит твоих усилий, – она шаталась, нож выпал из её руки, – поздравляю, победитель.

Она пошла к нему, направив вперед себя руки. Ганс перехватил их. Ладонь в ладонь. Он почувствовал её кровь. Темные волосы Лилиан спадали на глаза.

– Но ты же поможешь старой подруге перед её смертью? Дашь повеселиться? – разум окончательно покинул девушку, – Видишь, там идет ребенок, можно я его изобью? – она начала валиться набок, Ганс помог сохранить равновесие.

– Лилиан!

– А там собачка. Давай я вырву ей позвоночник?

– Лилиан, вернись к нам, верни свой разум, хотя бы сейчас, – Он сильнее сжал её руки.

– Так и знала, – с горечью ответила она, после чего резко подняла голову, – Тряпка! Баба! Архидевственник! – и упала прямо к нему в руки.

Все было кончено. Ганс полулежал на земле, обнимая Лилиан и качаясь от ужаса и боли. Кто-то подошел к нему сзади.
– Сожалею о вашей потере.

Ганс поднял полные боли и раскаяния глаза и увидел старика Теодора. Тот вручил ему свою визитную карточку с инициалами «Т.О.Д». Ганс не мог даже читать в этот момент. Мозг его кипел. «Как это случилось?! Как я мог, зачем? Почему я попал в живот? Это самая страшная рана. Её ведь теперь не спасти». Он припал лицом к лицу подруги детства, единственного человека, которого Ганс мог бы назвать любимым.

Те, кто знали Лилиан Рае и Ганс Шнайдера понимали, что последующий его запой и хроническая депрессия были вызваны именно последним кошмарным происшествием. На суде его оправдали благодаря показанием свидетелей, хотя сам он свою вину признал. Августа Рае, отца Лилиан так и не успели выпустить, он умер в тюрьме. Поговаривают, что его добило известие о смерти дочери. Старое сердце не выдержало.

В Городе в тот день произошло две ужасных смерти, погибли Кристиан Од, электрик, и юная выдающаяся студентка Лилиан Рае. Однако никто не придал внимания кончине двух людей. Этот день вошел в историю, как день начала кровавой чумы: первый заболевший в городе стал вестником дальнейшей эпидемии.

Глава электроокультистов, Ирокез, заявлял, что Город обречен. При чем гибель ему несла не чума, а древний дух «Пожиратель личности», из-за которого якобы город начал деградировать на глазах.

Но город жил. Это был древний титан, который не видел смертей и страданий подобно тому, как организм не видит гибель клеток. Поколения меняются, а город стоит, меняется. Но здание Иггдрасиля так и возвышалось над ним, хотя власть менялась еще много раз после тех лет: Даврон ошибся, они не успели сесть на воздушные шары, чума дотянулась и до них. Сам же герр Т.О.Д, казалось имел иммунитет к чуме. Ну это логично, как может умереть тот, кто превратил смерть в бизнес и искусство?